

УММА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Рассматривается история формирования уммы на территории Красноярского края с периода Средневековья по настоящее время. Акцентируется внимание на такие группы, как служилые татары, торговцы, крестьяне, ссыльные. Авторы используют различные источники. Они приходят к выводу, что на современном этапе сформированы местные институты уммы. Одновременно происходит трансформация религиозной и этнокультурной идентичности. Предлагаются рекомендации по профилактике экстремизма.

Ключевые слова: ислам в Красноярском крае; проблемы развития уммы.

История ислама в Красноярском крае мало изучена, как и судьбы его приверженцев. Иногда это вызывает различные ненаучные мнения, подчас политизированные. При этом наблюдается игнорирование исторических фактов либо их толкование, основанное на бытовых домыслах.

Исходя из этого определена цель статьи – показать на примере уммы одной территории, что она является частью континентального «поля» для процессов различной направленности. При этом особенности, которых придерживаются приверженцы ислама – внешние мигранты и коренное население, в ряде случаев разделяли их непреодолимой преградой. С другой стороны, согласование через диалог позволяло им мирно сосуществовать. Также есть доля заинтересованных в разрушении общегражданского мира, например через использование радикальных идей.

Заявленная цель достигается путем решения следующих задач:

- выявить и проанализировать корпус информации по истории ислама в протяженный хронологический период;
- изучить этническую и социальную структуру уммы;
- охарактеризовать местные институты ислама как форму предъявления религиозной и этнокультурной идентичности.

Основные научные результаты связаны с желанием в динамике показать историю распространения ислама на этой части Северной Азии; развенчать ошибочные суждения; показать возможные пути разрешения вопросов, стоящих перед складывающейся там уммой.

Исходя из остроты современных проблем, российское общество всё больше осознаёт, что слишком многие стереотипы из прошлого мешают объективно оценить события и людей. Так, уроженец Красноярска Василий Суриков не являлся исламофобом или шовинистом, но среди его картин есть и «Покорение Сибири Ермаком Тимофеевичем» (1895). В названии отражена господствовавшая тогда в российском обществе парадигма. Не призываем переименовать картину, но непредвзято осмыслить исторические процессы – наша обязанность.

Тюрки и мусульмане – органичная часть социума Енисейского края, где есть различие и своя специфика, которую нужно показать. Прежде всего, не все тюрки края – мусульмане, где аборигены (якуты, шорцы, хакасы) в основной массе – приверженцы

шаманизма и православия. Есть и крещёные: во главе одного из отрядов освоителей (не покорителей!) края (вместе с Ч. Рукиным) находился пелымский боярский сын П. Албычев, чья родословная берёт начало от Албыча-мурзы – выходца из Золотой Орды. Со временем Албычевы стали русским дворянским родом. В тот период продвижение по службе предполагало крещение, а сам П. Албычев основал первые остроги в регионе: Енисейский (1619), Маковский, Кетский и Намацкий (1620).

Массовыми же транспортёрами ислама в край стали казанские и сибирские татары, башкиры, мишари, тептяри. Красноярский край в современные (с 1990-х гг.) административных границах не включает Хакасию, но в силу общности процессов коснёмся и её территории.

Енисей – естественная граница ислама. К западу от этой реки – Сибирский юрт, элита которого исповедовала эту религию, поддерживала контакты с Поволжьем и Центральной Азией, откуда приходили миссионеры (и не всегда с мирными целями). Впрочем, отдельные купцы-миссионеры (в этом нет противоречия – каждый мусульманин обязан говорить о истинности его веры) преодолевали Енисей. И шли дальше – по ответвлениям Великого Шёлкового пути. Об этом ал-Гардизи сказал так: «Из страны арабов Даши к кыргызам (енисейским. – А.Я.) каждые три года приходил караван из 20 верблюдов, нагруженных вышитыми золотом шёлковыми тканями» [1. С. 25].

Этот путь стал первым импульсом для распространения образов, понятий и предметов, несущих отпечаток исламской культуры. Носителями её стали сибирские бухарцы (бухаретины / бохорольк) – устойчивая, сложившаяся в Северной Азии социальная общность. В её состав входили узбеки, таджики, уйгуры и реже каракалпаки. Нельзя идентифицировать бухарцев в экономических категориях – как сартов, поскольку не все из них – торговцы. Но все бухарцы, за редким исключением, выступали посредниками в континентальных социокультурных контактах, доходя с караванами до Восточной Сибири. Поэтому уже со Средневековья бухарский «след», хотя и спорный, обнаруживается в лексике эвенков, долган, ненцев и других жителей региона [2. С. 126–127]. Но, заметим, местных жителей не заинтересовали воззрения приходящих мусульман.

Персидский путешественник Абу-Дулаф в X в. побывал в земле енисейских кыргызов и описал резиденцию Хырхыз-хакана и комплекс на Уйбате, а один

из самых восточных памятников ислама в мире расположен на берегу р. Хемчик в Республике Тыва – это кладбище Саадак-Терек. В 1991 г. там обнаружен кайрак¹ 'Умара б. Мухаммада б. 'Али ал-Балхи – имама и смотрителя за могилой «святого»² сайида³ Рашид ад-Дина. Надпись выполнена на фарси и датирована джумада ал-ахира 590 г. х. (май-июнь 1194 г.). Проанализировав сам объект и трассы к нему, Л.Р. Кызласов написал: «Скорее всего, этот могильник был кладбищем торговой фактории мусульманских купцов, избравших долину Хемчика для своего поселения, которое играло роль перевалочного пункта. Для этих целей именно долина Хемчика представляет наибольшие удобства, ибо в ней скрещиваются древние караванные пути в Северо-Западную Монголию, на Алтай и в Хакаско-Минусинскую котловину» [3. С. 115].

Купцы, между тем, демонстрировали успешность развития ремёсел и переход к новым технологиям, идеологически обеспеченным исламом, который в тот период своей истории поощрял новации (увы, затем процесс замедлился). Предприимчивые торговцы, судя по источникам XIII–XIV вв., скупали у местного населения меха ценных пушных зверей и кречетов для распространённой тогда соколиной охоты. Таким путём на территорию обитания кочевников и полуседлых жителей попадали предметы среднеазиатского и иранского происхождения. Это, например, монеты, среди которых найденная на р. Иджим (левом притоке р. Уса) серебряная монета – медаль гулагидского чекана 1320 г. из г. Йезда, подаренная Г.П. Сафьяновым в 1875 г. Минусинскому музею.

После вхождения территории в состав Российского государства, появления на правом берегу Енисея русских и их союзников (в том числе служилых татар), по мнению ряда учёных, произошло перемещение части тоболо-иртышских татар в сторону Енисея, но генетические следы их присутствия в этой части Восточной Сибири не прослежены.

Сами же служилые татары вместе с русскими, «черкасами», «литвой» и коми основали северную (включая Новую Мангазею) линию острогов, став органичной (хотя и численно небольшой, а затем ассимилированной) частью населения при освоении Восточной Сибири. Самый важный из них – Енисейский (Тунгусский / Кузнецкий) острог, основанный в среднем течении Енисея в месте впадения в неё р. Мельничная. Он стал центром одноимённого уезда Тобольского, с 1629 г. – Томского разрядов, а с 1677 г. – это уже город, центр Енисейского разряда [4], в истории которого есть множество «мусульманских сюжетов».

XVIII в. – время серьёзных административных преобразований, повлиявших и на судьбу почитавших пророка Мухаммеда. В отличие от других первых сибирских городов, разбогатевших на пушнине и потому имевших скоротечную историю, Енисейск оставался важной зоной зернового производства, постоянной торговли и обмена, так как «стал в середине Сибири». Поэтому в 1708 г. создан самостоятельный Енисейский уезд, а Енисейск стал притягивать открывшимися возможностями купцов и обслуживаю-

щих запросы проезжающих и местных жителей – ремесленников, ямщиков. Более того, город и уезд стали центрами духовной жизни для всех единоверцев края. Там сохранялись (и до сих пор существуют) традиции ханифитского мазхаба суннитского направления, а его основные носители – крестьяне – переселенцы из Казанской и Уфимской губернии.

Многие идущие вглубь Сибири вынуждены были зимовать в Енисейске, ожидая начала навигации. На августовскую же ярмарку (крупнейшую в регионе) приезжали бухарцы и персы. С 1724 г. это уже главный город Енисейской провинции, но в составе Тобольской губернии – притягательного для мусульман всей Северной Азии центра духовного влияния. Там жили высшие по иерархии ахуны (способные разрешать брачные и наследные дела по шариату), имелось мектебе, откуда поступали кадры имамов.

Присутствовал и иной внешний фактор влияния на жизнь енисейцев-мусульман. Так, с 1804 г. город и уезд подчинены Томской губернии (где местные мусульмане занимали разные ступени социальной лестницы, обладали влиянием и в органах власти).

Ещё одна часть местной уммы сформировалась после того, как в 1689 г. учреждена (с 1731 г. – всеобщая) система ординарной почты. Она соединила Тобольск, Омск, Каинск, Колывань, Томск, Ачинск, Красноярск, Нижнеудинск и др. Если первое время к ней привлекали служилых татар, то затем к ним присоединились другие группы сибирских тюрок, которые после оседания приобщались к исламу, этноопределились, став татарами. Напротив, препятствуя подобной ассимиляции, к 1751 г. усилиями православных миссионеров крещено около 1 000 телеутов Красноярского уезда, часть из которых ранее уже исповедовала ислам. Это, заметим, поощрялось государством.

Обслуживание Сибирского тракта привело к расширению границ и функций острогов и слобод, проведению около них ярмарок, например Никольской в Ачинске (с 1784 г.), привлекая купцов и ремесленников из татар и бухарцев, постепенно (хотя и ограниченно) оседавших. Завершавшийся там же Тюменско-Ачинский ссыльный тракт приводил и подневольных «путешественников», проходивших через этапы и полуэтапы [5. С. 25]. Эта группа – ссыльно-каторжные, заслуживает отдельного рассмотрения в силу специфики мироощущения, социального поведения, устройства религиозных практик.

Феномен маргинальной части местной уммы не только в нарушении установок Корана (где «терпение / покорность» упомянуты 90 раз), но и в отношении к единству уммы как социальному институту, мнению улемов и старейшин, требованиям государства, к которому принадлежат. Существовали ограничения на размещение подобных лиц: на кабинетных землях с 1799 г. вводилась строгая система, где запрещено (исключения – каторжники и ссыльные, используемые на тяжёлых работах) приписывать к горным заводам даже ясачных людей из крещёных.

Мусульмане в правовом, социальном, культурном отношении «находились по разные стороны» Сибирского тракта. Но и он постепенно обустроен и засе-

лён. Возникали притрактовые селения, притягивавшие переселявшихся из Поволжья и Урала ямщиков, купцов, ремесленников, крестьян (в том числе принудительно – сданными в зачёт рекрутами). Около 70 тыс. извозчиков задействованы на тракте, а вблизи росла инфраструктура, обеспечивая его функционирование: почтовые станции, постоялые дворы,

Иная судьба сложилась у общины Ново-Качинского (Красного) острога – предшественника Красноярска. Команды служилых юртовских татар сменялись, не создав постоянной уммы. Ситуация изменилась, когда туда в 1671 г. пришёл первый торговый караван. Местный воевода распорядился поставить для приезжих мусульман торговый двор [6. С. 316–318], где, очевидно, они вместе могли совершать намаз.

«Природные» мусульмане Северной Азии – «плохие идеологические фанаты» во все времена. Это связано с тем, что необходимость приспособления к местным обстоятельствам выработала синтез шариата и адата, например в условиях длинных зимних ночей и коротких летних дней. Да и смысл многих лексем Корана (ослы, виноград, оливы и др.) не понятен сибирякам. Воспринятые априорно, они создавали представление о желательном, но невозможном в Сибири. И этот «разрыв» долго сопутствовал пониманию традиций и образов. Обязанность смягчения этих противоречий лежала на немногочисленных служителях исламского культа, которые, однако, часто сами оставались несведущими.

Только в дореволюционный период можно относительно чётко дифференцировать мусульман (по убеждению) из всех ссыльно-каторжных в азиатской части России, которая подразделялась на места «далёкие» и «не столь далёкие». При этом вне учёта находились не имевшие свидетельств бродяги, дававшие основную часть рецидивной преступности.

Г.С. Батеньков как уроженец Сибири в предваряющем реформы 1822 г. очерке «О ссыльных» назвал реальную ситуацию с этой группой населения, а Ф.М. Достоевский в «Записках из Мёртвого дома» дал описание разного типа преступников (сам к ним принадлежал) [7].

Конечно, совершали преступления и коренные жители. Хотя волостные управители в отчётах и указывали, что «вопросами нравственности занимается мулла», а в местах компактного проживания мусульман, как правило, «питейных домов, трактирных заведений, преступлений нет» [8. С. 53, 55]. Данная цитата не в полной мере отражает реальную ситуацию (факты, как и наличие положений в адате⁴ утверждают, что нарушители, выпивохи были и среди мусульман), но, несомненно, это характеризует влияние ислама на состояние нравов в тех условиях. Особо администрация опасалась «черкесской смуты» (в крае принято горцев именовать «черкесами»), боясь их союза с сибирскими единоверцами.

Известно, что более половины мусульман в XIX в. сосланы в Сибирь за воровство. В списке совершённых ими краж лидировало конокрадство, что отражало специфическое отношение многих групп мусульман России к этому животному. Свыше 10% их пре-

ступлений – «против жизни». Дореволюционные исследователи объясняли их общей ментальностью азиатов. Однако, как отмечал В.В. Перинов, «российское имперское мышление, стремящееся встроить этнически и конфессионально разнородную массу в существующие правовые рамки, не хотело замечать вековых традиций “родовой чести”, поддерживавшихся кровной мезьтью» [9. С. 17–19].

Не только «обычные» уголовники имелись среди ссыльных. Отмечено в местах ссылки фанатиков, что «распространяя... устно и через печатания и рукописные тетради полные понятия о султани, как могущественном во всём мире государе, при этом восхваляя турки и другие мусульманские народы, умаляется значение русского народа. Прославляется сила ислама, внушается надежда на будущее торжество магометан над “неверными”» [10. С. 160].

Приговорённых к каторге за особо дерзкие преступления направляли исключительно в Восточную Сибирь, а затем и на Дальний Восток. Енисейская провинция (с 1822 г. – губерния) принадлежала к «местам отдалённым», где представители разных конфессий, в том числе исламской, отбывали наказание. В Минусинской котловине, например, размещались осуждённые участники «Башкирских» (название не в полной мере отражает состав) восстаний. Показательно, что в 1823 г. в губернии насчитывалось 1 176 мусульман, где мужчин было в два раза больше, говоря о положении ссыльных.

В 1830-е гг. стала очевидна потребность в духовном окормлении и нравственном исправлении 200 ссыльных мусульман, но в распоряжении местной власти не было ни указного муллы, ни мест (мечети, молитвенного зала) для проведения намазов.

Заметим, что уголовному преследованию тогда подлежали за отвлечение «от христианской веры». Обвинённые в этом виде преступлений приговаривались к ссылке в каторжную работу от 8 до 10 лет. Известно, что наказание увеличивалось до 15 лет, если следствием было доказано, что применялось насилие для принуждения к отказу от христианства. Те же, кто упорствовал в желании возврата в ислам, с 1858 г. ссылались в Туруханский край. Предположительно, там остался (после каторги) на жительство один из прообразов романа В.И. Шишкова «Угрюм-река» – Ибрагим-оглы.

И наоборот, поощрялись к принятию православия отбывавшие наказание. В 1843 г. ссыльный поселенец из татар Оренбургской губернии С.М. Баширов мотивировал решение тем, что ещё 20 лет назад он был сослан в Сибирь. За прошедшее время он освоился и решил избрать себе в спутницы жизни христианку (при отсутствии единоверок и невозможности выезда на родину, где более обширен «брачный рынок»). Таких лиц, впрочем, было немного: по данным 1863 г. в Енисейской губернии только четыре мусульманина (от рождения) приняли крещение. Это свидетельствовало не столько о слабости миссионерской деятельности, сколько о прочности их нравственных устоев.

Прошедшие южнее Сибирский тракт и Транссибирская магистраль снизили значение Енисейска в экономической жизни края, но сам Енисейский уезд

оставался привлекательным для переселения. Первые татарские селения Шулдат и Серебряково возникли в середине XIX в. Со временем они стали большими – в 250–300 дворов. Их жители занимались не только крестьянским трудом, но и участвовали в разработке золота. Привлекали на приисках и ссыльнопоселенцев, особенно на тяжёлых видах работ.

К 1897 г. в крае (преимущественно в южной зоне) проживал 5 991 татарин (не все мусульмане), что составило 1,1% от населения губернии, где в городах насчитывалось всего 1 408 чел. Доминировали недавно приехавшие (3 640), составляя 60,75% от общей численности татар [11]. Это отражало общую для страны ситуацию. Многие надеялись на благополучие от переезда в экономическом плане, но и строили планы в удовлетворении духовных потребностей.

В случае переезда большой группой земляков и при компактном расселении они пытались воссоздать привычные институты: общины, мечети или молитвенные дома, мектебе. Очевидно, ими не понималось, что трудно в Восточной Сибири иметь и полную структуру духовных наставников: муфтиев, ахунов, хатыбов, кадиев, имамом, муэдзинов, мугаллимов. Надеялись переселенцы, что вновь созданные приходы возьмут на себя и традиционные функции:

- духовную (идеологическую), предполагающую удовлетворение религиозных потребностей, совершение обрядов жизненного цикла, укрепление веры;

- образовательную (просветительскую), понимаемую как передача знаний молодым поколениям, равно как и воспроизводство вышеперечисленного набора кадров;

- финансовую, возлагавшую на меценатов, мечеть и общину сбор средств. Но в условиях Сибири если и существовали добровольные пожертвования верующих (садака), то доходов от вакуфной собственности и закята (традиционного налога с имущества), предписанных шариатом, собрать оказалось затруднительно. Не было здесь специально уполномоченных сборщиков, известных всем своей порядочностью. Но имелись: дисперсность расселения, расстояние между селениями; трудности сообщений, как и множество других обстоятельств, которые отдаляли соблюдение требований ислама;

- соответственно, снижалась возможность обеспечить исполнение социальной функции, предполагающей выплату жалования служителям мечети, мугаллимам, строительство и ремонт культовых зданий и мектебе, поддержку шакирдов, финансирование общественных акций и благотворительных обществ.

Эти надежды оправдались в малой степени. Причина – изменчивый состав приходов, так как не все из прибывающих в ходе реализации Столыпинской реформы оставались в губернии, новосёлы не успевали обустроиться, а из ранее поселившихся (и ставших экономически стабильными) благотворителей было очень мало.

Не было в достаточном количестве мечетей или молитвенных домов: в начале XX в. в губернии их насчитывалось всего восемь. Но по сравнению с другими губерниями и областями Восточной Сибири и Дальнего Востока это значимая цифра.

Среднее число прихожан мечетей и молитвенных зданий по различным губерниям и областям Восточной Сибири и Дальнего Востока

Тип поселения	Городской (муж. / жен.)	Сельский (муж. / жен.)
Губерния / область		
Енисейская	231 / 199	267 / 65
Иркутская	305 / 170	126 / 98
Забайкальская	166 / 144	309 / 129
Приморская	Нет данных	98 / 43
Амурская	112 / 47	Нет данных

Анализируя данные таблицы, обратим внимание на существующую во всех типах населённых пунктах диспропорцию в численности мужчин и женщин. Если в городах Енисейской (самое уравновешенное соотношение, принимая во внимание наличие и там ссыльных) и Иркутской губерниях она незначительна и колеблется в пределах 30 чел. в пользу мужчин, то в Амурской этот показатель достигал 60 чел. На селе эта разница более заметна. Например, в Забайкалье и Приморье число мусульман-мужчин в два с лишним раза превышало количество женщин, а в Енисейской – в 4 раза! Неудивительно, что естественного прироста нет, а шла убыль. Например, в Иркутской губернии – на 30 чел. Это оказывало негативное воздействие на нравственную атмосферу в приходах, которую духовные наставники (иногда обслуживая единоверцев в отдалённых селениях наездами) исправить не могли.

Что касается мусульманской составной в разрезе уездов Енисейской губернии, то самый большой удельный вес (5% населения) сложился в Канском уезде. Но в самом уездном центре впервые вопрос о строительстве мечети подняли лишь в 1902 г. Мусульмане Канска не смогли подтвердить необходимую численность прихожан. И все последующие годы они собирались для намаза либо по домам, либо на кладбище.

Власти поощряли переселенцев, задыхавшихся на родине от малоземелья, а без механизмов и удобрений – низкой урожайности (потребность средней семьи удовлетворялась наполовину), но и реформа по переселению в азиатскую часть страны пробуксовывала. Так, в Бельской волости Енисейской губернии было образовано несколько десятков переселенческих участков, но часть их новых владельцев вскоре вернулась на родину. Тем не менее в 1907–1910 гг. в губернии появилось 5 татарских селений, в 1911–1912 гг. – ещё 47, составив в общей сложности их население в 4 033 чел.

Один из больших участков для заселения находился на р. Яловая и назывался Преображенским, куда 28.07.1912 г. прибыли: Абдулнасыровы, Гималетдиновы, Сафиановы – из Уфимской, Валиуллины – из Казанской, Мустафины – из Вятской губерний. Существовали у новосёлов ограниченные финансовые возможности для постройки мечети, но хотя бы в топонимах они пытались подчеркнуть принадлежность. Так, власти решили в сентябре 1913 г. «участок Преображенский перечислить в Шагари-Исламское сельское общество» [12], куда и позднее подсеялись единоверцы.

Появилось и село с примечательным названием Канзанка (ныне в Большемурутинском районе), образован-

ное поволжскими татарами из 1908 г. Редкий тип – двухэтажная мечеть – появилась там достаточно быстро – в 1910–1912 гг., где служили Хасан Валитов (старший) и Мухамед хафиз Хасанов Валидов – имамом, заложив основу династии духовных наставников.

Постепенно выстраивалась в губернии и духовная иерархия. Служивший в мечети г. Минусинска Кучумов в 1913 г. имел звание хатыба. По «табели о рангах» – это духовное лицо, читающее в мечети в дни пятничных и праздничных молитв проповедь – хутбу. Он должен был выбираться прихожанами (не менее $\frac{2}{3}$ глав семейств в присутствии волостных старшин или сельских старост). По существующему порядку он ездил в Уфу сдавать в ОМДС экзамены на знание исламского вероучения и русского языка. В новом качестве затем он приводился к присяге губернатором или губернским (областным) правлением.

Долгое время планировавшееся строительство каменной мечети в Енисейске завершено лишь в 1905 г., но у неё был редкий для всей Сибири 28-метровый минарет. Ко времени российских революций 1917 г. там имелось и мектебе, ориентированное на мусульманскую реформу – джадидизм. Впрочем, существовали в умме и сторонники консерватизма – кадимисты. Их оказалось немного, поскольку умма была молода, как и большинство духовных наставников, получивших образование в джадидских медресе.

Не только аграрный сектор, но и разработка золотых приисков Восточной Сибири требовали рабочих рук. Для этого по многим регионам России, в том числе в Поволжье и на Урале, действовали вербовщики, а завербованные формировали новую группу – мусульман-пролетариев. Эти люди затем достаточно быстро стали разделять идеи социального переустройства.

В самом Красноярске татары составили в 1911 г. уже 1,7% населения, а в пригородах – 25,2%, что позволило собрать средства и построить мечеть [13]. Свои духовные запросы мусульмане разрешали и через образовательные структуры: статистические обзоры зафиксировали мектебе – одно в губернском центре, два в уездных городах (Ачинске и Енисейске).

Под влиянием идей джадидизма в крае возникли «Общество попечения об учащихся мусульманах в Красноярском мектебе» и «Общество попечения об учащихся мусульманах в Ачинске» [14]. Обучавшиеся там шакирды довольно быстро приняли идеи наставников, но провести их в жизнь не успели – наступила Российская революция 1917 г.

В годы Гражданской войны, как и повсеместно, мусульмане оказались разделены: жители г. Канска направили в адрес колчаковского правительства в октябре 1919 г. просьбу признать Национально-культурную автономию как отражающую устремления мусульман Сибири. В губернской столице была создана комиссия для помощи в лечении солдат-мусульман и устроен благотворительный литературный вечер. Очевидно, в умме появились не только средства, но и творческие силы, «заряженные» на активное участие в социальных проектах, не все из которых проходили под революционными лозунгами.

В партизанских отрядах и в подпольных группах с участием мусульман, наоборот, надежды возлагали на

советскую власть. И поэтому сразу после ухода колчаковских войск с участием этих людей (и пришедших в составе РККА пропагандистов) созданы специальные татарские секции в структуре партийных и советских органов, а также в системе образования. И если до революции на всю губернию имелась 1 светская школа для татар, то к 1924 г. функционировало уже 12 таких школ, 9 пунктов ликвидации неграмотности, 4 сельских избы-читальни, 4 красных уголка и 4 секции при городских клубах [15. С. 36–39]. Естественно, они не удовлетворяли религиозных потребностей, а наоборот, обеспечивали базу для атеистической работы.

Между тем умма подпитывалась численно людьми, прибывшими из более религиозных регионов. Как следствие голода 1921 г. в Поволжье и Северном Казахстане мусульманами (в том числе уже в некоторых случаях только по происхождению) активно заселялись пос. Новоенисейск (с 1989 г. в составе г. Лесосибирска), а также Большемурутинский и Казачинско-Ленский районы. К 1927 г. здесь имелось 71 поселение с 13 зарегистрированными в государственных органах общинами. Там проживали 23 тыс. татар (не все мусульмане по убеждению), но в удельном отношении это составляло 1,7% населения региона. И если даже многие не позиционировали себя верующими, то в последний путь даже члены ВКП (б) отправлялись на «мусульманские» кладбища. Это делалось по настоянию родственников, и власти этому не препятствовали.

Учитывая бытовую религиозность, в инструкции по проведению Сабантуя в то время по всей стране (а не только по Восточной Сибири) рекомендовалось делать это «без мулл» и к концу посевной компании в коллективных хозяйствах [16. С. 139–140].

В книгах памяти жертв политических репрессий указаны только три имени служителей культа, репрессированных в 1930–1950-е гг. [17]. Полагаем, их было значительно больше, поскольку в Восточно-Сибирском крае находилось множество ссыльных и вольнонаёмных, задействованных при сельхоззонах (в 1935 г. размещено 3 тыс. крестьянских семей из Татарстана), в промышленном освоении Норильского (1935) и Талнахского полиметаллических месторождений, а также в связи с обустройством Севморпути, работой Дудинского рыбзавода, реализацией проектов 501-й и 503-й строек [18] и др.

Кроме того, очевидно, не включены в состав репрессированных просветители и общественные деятели, получившие образование в мектебе, подобных С.С. Касимову, в Гражданскую войну воевавшего с колчаковцами на Алтае, в начале 1930 гг. – председателя Госплана Татарской АССР, в 1937 г. осуждённого как «участник троцкистской националистической организации» к 10 годам ИТЛ. Наказание отбывал он не только на Колыме, но и на лесозаготовках на Енисее – в системе КрасЛАГа и БогучанЛАГа.

Сосредоточение в Енисейском районе большого числа татар вызвало открытие в 1941 г. в райцентре татарского педучилища. Его выпускникам вменялось в обязанность и атеистическое воспитание, поскольку в 39 начальных и 3 неполных средних татарских шко-

лах региона обучались около двух тысяч рождённых в семьях «этнических мусульман».

В годы Великой Отечественной войны в ИТЛ и на оборонных предприятиях существовали тяжёлые условия, особенно для спецпереселенцев и заключённых. Суровый климат, психологический дискомфорт оказали влияние на продолжительность жизни и увеличение смертности заключённых, прибывших из более тёплого климата. Трудно пока вычленить число мусульман, но характерны общие показатели только по Норильскому ИТЛ (ГорЛАГ), где умерли: в 1941 г. – 1 090 чел. (2,6% от состава), 1942 г. – 1 215 (2,9%), 1943 г. – 885 (1,7%), 1944 г. – 639 (1,15%), 1945 г. – 660 чел. (1,08%) [19]. О соблюдении какой-либо ритуальной традиции в соответствии с требованиями религии говорить невозможно, хотя известно: там было немало активных верующих, способных совершить джаназа.

Между тем экстремальные условия войны оказали влияние на реставрацию (реанимацию) религиозных традиций, нравственных установок того поколения сибиряков, кто в силу советского атеистического воспитания уже «оторвался от почвы», питавшей столетиями их предков. Так, оказавшись после ранения в госпитале, Г.С. Валиуллин от лежащих в палате узбеков научился совершать намаз. С этими знаниями он и вернулся в д. Новый Ислам Пировского района, став активным сторонником возрождения религиозной жизни в послевоенный период.

Известно, что, власть, ослабив на время войны давление на религиозные институты, в послевоенные годы вновь активизировалась не только в атеистической пропаганде. Вновь проявили себя в борьбе с религией и её приверженцами репрессивные органы. В 1950 г., полагаем, последней жертвой подобных репрессий стал мулла из пос. Ирша Рыбинского района А. Байматов, приговорённый по 58-й статье к 10 годам [20].

Политика воинствующего атеизма коснулась не только людей: в 1952 г. в с. Казанка сняли минарет, в самом здании мечети расположили детский сад, а затем (до 2007 г.) школу. В тех условиях сосланные или приезжавшие «на заработки» мусульмане по убеждению могли только втайне, как С. Салахутдинова, с 1960-х гг., читать Коран и обучать обрядам детей.

Возрождение ранее существовавших (нелегально, на кладбищах и по домам), появление новых общин происходило в крае с конца 1980-х гг. Отчасти это связано с созданием краевого культурного центра «Ислам» [21]. Основательно отошедшие от религиозной жизни поколения выросших при советской власти стремились приобщиться к религии, воссоздать известные им по литературе или опосредованно (через семейную память) институты и ритуалы.

Неоправданные надежды возлагались на помощь извне, а ресурсы самих инициаторов были весьма ограничены. Например, ещё в 1990 г. архитектором Ф. Гильманшиным разработан проект Соборной мечети для краевого центра, но торжественное открытие состоялось лишь в 2000 г. В том году в крае проживало 44,4 тыс. татар, но затем их эмиграция увеличилась⁵. В результате в 2010 г. зафиксировано уже на 10 тыс. татар меньше, расселённых в основном в

Красноярске, Лесосибирске, Норильске, в Казачинском и Пировском (там 20 из имеющихся в крае 35 селений с татарским компонентом). Вполне очевидно, что не все из них активны как прихожане, но это меняло и общую – «этническую картину» приходов.

Путь реанимации общинной жизни непрост, тем более что кроме суннитов активность проявляли шииты (в основном азербайджанцы), имея во главе таких харизматичных, как Муталиб Фазил-оглы Ибишов, с 1996 г. возглавивший их общину в областном центре [22]. Два направления ислама в крае сосуществуют, обходя (или отложив) догматические различия и приняв во внимание обрядовые особенности. Очевидно, такой путь является оптимальным для больших городов, где есть возможность собираться для молитвенных собраний отдельно.

Иная ситуация складывается в небольших населённых пунктах или моногородах, где сами условия диктуют необходимость «оптимизации». Хорошо, если позволяют условия и есть возможности. Так, для всех единоверцев, независимо от происхождения (в том числе шиитов и суннитов), в 1998 г. М. Бекмеевым – уроженцем Норильска, построена самая северная в мире мечеть «Нурд-камаль» (названа меценатом в честь родителей), где по пятницам собиралось до 200 прихожан. Для них же рядом устроено халяльное кафе.

Этот фактор сохранения религиозных традиций актуализируется в северных условиях, где имеются трудности с обеспечением бараниной (особенно в дни праздников), которая заменена олениной (но с условием забоя по требованию шариата). Необходимость соблюдения шариата остра, и при погребении мусульман (если нет возможности отправить тело приезжего на родину), особенно в условиях затяжной зимы и близкого расположения вечной мерзлоты, она привела к выработке новых правил.

Меньше подвергнуты радикализации приверженцы адатного ислама. Так, община в Енисейске зарегистрирована в 2002 г. (руководитель У.Х. Гатаулин), а мечеть после реставрации возвращена в 2003 г. Её прихожане в основном татары из семей старожилов, сохранивших обычаи, несмотря на давление атеистической идеологии в течение 60 лет.

Весьма специфична представленная в крае группа «русских мусульман». Это условно определяемая группа неопитов, куда входят как славяне, так и немцы, корейцы и другие, часть которых психологи относят к людям с несформировавшейся или разрушенной идентичностью. Так, в краевом центре некоторое время действовала достаточно крупная группа во главе с А. Дедковым, в настоящее время осуждённым за экстремизм. Особенностью является принадлежность большинства неопитов к «Нурджулар» или другим деструктивным направлениям [23. С. 20–32].

Краевая умма стремительно изменялась в 2000-е гг., когда появились общины в Ачинске, Лесосибирске, Железнодорожном, Норильске, Минусинске, Назарово и Назаровском районе, селениях Новобирилюссы, Казачинское, Пировское, Казанка и др. (всего 20 общин). Предпринималась попытка создать Саянский казыят ДУМ АЧР (должен был включить и общину Минусинска), но в то время среди местных неопитов выяв-

лено определённое число лиц, вовлечённых в число экстремистских организаций, а глава ДУМ Г. Фаткуллин в 2001 г. одобрительно отозвался о сторонниках «Нурджулар».

Для консолидации уммы в 2002 г. создано ЕДУМ КК, а с 2007 г. стали ежегодно проводиться съезды, где обсуждалась, например, тема межэтнических браков.

Эта тема важна в связи с большим притоком в край мигрантов. Этническую «палитру» сильно разнообразят приезжие, увеличив умму Красноярска, Норильска, Ачинска и других городов. Исследованиями отмечен рост числа мусульман (по происхождению) с 2,6% (в 1989 г.) до 3% (в 2004 г.), изменилось число выходцев с Кавказа и Центральной Азии (таджиков – в 3, киргизов – в 2 раза). В силу этого проповеди в мечетях и молельных домах идут на русском языке.

Появился мощный внешний фактор влияния на жизнь уммы – миграция. Если ранее традиционно был сильный татарский уклон, а то ныне сложился иной этнический баланс – в северной части Сибири он склоняется в сторону уроженцев Кавказа и Центральной Азии, иногда проявляясь и на уровне руководства общинами. Показательно, что среди проживавших в Красноярском крае этносов, исторически (по происхождению предков) принадлежавших к исламу, – татары: в 2010 г. – 34 828, азербайджанцы – 16 341, киргизы – 8 423; узбеки – 6 434; таджики – 6 304, но не все из них, разумеется, религиозно активны. Нормы и правила поведения, принятые на их родине и признаваемые за «подлинные», при переносе на новую территорию – в Восточную Сибирь, вступают в конфликт с принятыми в местной умме.

Вне этой региональной специфики среди членов некоторых общин отмечены призывы к активному внедрению шариата. Это вызвало настороженное отношение других групп, свидетельствуя: умма вошла в очередной поворот извилистого пути трансформации, пытаясь найти «ответ» на «вызов» времени. При этом однозначно понятое отдельными людьми суждение из Корана и Сунны приносило печальные плоды для них и безопасности России. Представляла опасность отмеченная правоохранительными органами практика сращивания радикально настроенных верующих и криминала, стремившихся пройти во власть.

Понятия «традиционный ислам» и «ваххабизм» вошли в оборот у верующих, хотя не всегда его верно классифицирующих, тем самым ещё более (нежели в административном плане) раскалывая умму. Отсутствие диалога – одна из причин её затяжного кризиса. Между тем основополагающий признак современного культурного пространства – именно диалог (через людей) светского государства и религиозных объединений.

Положение приходов разнится: в сельской местности служители культа зависимы только от исполнения треб, тогда как в больших городах и промпосёлках

финансовое благосостояние зримо – по облику мечетей, жилых домов и автомобилей. Иные служители ислама уклонялись от реального участия в укреплении нравственности, имея разные «варианты духовного совершенствования»: для себя, для близкого окружения, остальных единоверцев.

В выстраивании государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений важен постоянный диалог. С этой целью при администрации края создан Совет муфтиев, но были проблемы взаимоотношений с отдельными представителями местной епархии Русской православной церкви [24].

Относительная стабильность этноконфессиональных отношений в Красноярском крае – не повод для самоуспокоения. Очевидны пути выхода из сложившейся ситуации:

- постоянный мониторинг ситуации в сфере государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений;
- просвещение верующих (собственных и приезжих) и всех жителей края на тему особенностей исторического пути, пройденного местными мусульманами;
- непрерывный диалог с разными частями уммы в дискуссиях о бытовом применении норм адата и шариата, тем более в условиях светского государства;
- изоляция, особенно в местах исполнения наказания, сторонников радикализма от остальной массы;
- развенчание экстремистских идей через пропаганду умеренного ислама, зарождение у сторонников идеологии и практики ДАИШ сомнения в законности идей и деяний;
- противодействие идеологии экстремизма и терроризма в учебных заведениях и физкультурно-спортивных организациях, в том числе через переподготовку преподавателей и тренеров.

История ислама в любом регионе земного шара, в том числе на берегах Енисея, свидетельствует о невозможности «простого» решения сложных вопросов бытия. Иные случаи из местной практики государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений имеют и международный резонанс.

Оценивая же усилия радикальных сил, важно определить направления противодействия: это не только идеи (иными лишь прикрывались), но и методы вербовки, контроля сознания, действия (в том числе противоправные), к «которым побуждаются адепты». На иных, как обладателей интеллекта и харизмы, рассчитывали салафиты, направляя шахидами.

Напротив, ценна жизнь единоверцев для приверженцев адатного ислама. Традиционно в региональной умме авторитетно мнение пожилых, у которых велико неприятие радикализма. Их отношение к исламу как к внутреннему духовному состоянию, личному отношению с Аллахом, а не жесткому соблюдению норм («шариат – в сердце») признано улемами правомерным. Оно и должно поддерживаться в местном социуме различными усилиями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Надмогильный памятник с эпитафией.

² В суннизме нет традиции передачи святости, но почитание подвижников ислама (не поклонение им!) является одной из примет адатного ислама. Это не устраивает салафитов, особенно из новообращённых.

³ Это почётный титул возводивших родословную к пророку Мухаммеду. В значении предводителя племенного союза или племени сейид равнозначен шейху не только в Аравии, но и в Северной Азии (иногда соединяя в имени титулатуру).

⁴ Адат (обычное родовое право) – комплекс симбиозных обычаев, где в условиях Северной Азии традиции отфильтровывались, а не противоречащие догматике ислама сохранялись. Адат использовался казиями в тех случаях, когда решались вопросы и судебные дела, не оговоренные Кораном, Сунной. Сосуществование адата и шариата допускалось сознательно – в качестве средства, обеспечивающего возможность маневра, оправдывало присвоение правителем власти.

⁵ Это в большей степени оказалось связано с экономическим фактором, а не с трудностями в соблюдении условий религии в повсеместно возрождавшихся группах верующих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Чаа-Тас у села Копены // Труды Государственного исторического музея. Вып. 11 : сб. ст. по археологии СССР. М., 1940.
2. Аникин А.Е., Хелимский Е.А. Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи. М., 2007. С. 126–127.
3. Кызласов Л.Р. Торговые пути и связи древнеказахского государства с Западной Сибирью и Восточной Европой // Западная Сибирь в эпоху Средневековья : сб. ст. Томск, 1984.
4. Бродников А.А. Енисейский острог. Енисейск в XVII веке: Очерки по истории города и уезда. Красноярск, 1994.
5. Соболев М. Пути сообщения в Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908.
6. Пузанов В.Д. Служилые люди Тобольска и присоединение к русскому государству Енисейского края // Тобольск научный – 2013 : материалы X Всерос. науч.-практ. конф., посв. памяти А.А. Дунина-Горкавича. Тобольск, 2013.
7. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений : в 15 т. Л., 1988. Т. 3.
8. Бакиева Г.Т. Обычай и закон. Очерки правовой культуры сибирских татар в XVIII – начале XX века. Новосибирск, 2011.
9. Перинов В.В. Мусульмане в Забайкалье: середина XIX века – 1917 год : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2010.
10. Лысенко Ю.А. Православие и ислам на Алтае во второй половине XIX – начале XX вв. // Современная Россия и мир: альтернативы развития (этноконфессиональные конфликты и вызовы XXI века) : материалы междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2006.
11. Татары. URL: <http://my.krskstate.ru/docs/ethnoses/tatary> (дата обращения: 25.03.2016).
12. Статистический обзор Енисейской губернии за 1911 год. Красноярск, 1912.
13. Домнина А.Н. Архитектура в культуре ислама (на примере Красноярской соборной мечети) // Инновационные процессы в современном образовании России как важнейшая предпосылка социально-экономического развития общества и охраны окружающей среды : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 2010.
14. Статистический обзор Енисейской губернии за 1915 год. Красноярск, 1916.
15. Прокудина С.В. Татары города Красноярска в 20-е годы XX века // Культура города: традиции и современность : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Стерлитамак, 2006. Ч. 1.
16. Каримова О.Н., Бахор Т.А. Мифопоэтическая основа Сабантуя // Молодежь и наука: реальность и будущее: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Невинномысск, 2009. Т. 2.
17. Книга памяти Красноярского края. Номер дела: П-473.
18. Гриценко В., Калинин В. 501/503. История «мертвой дороги». Екатеринбург, 2010.
19. Бугай Н.Ф. Л. Берия – Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995.
20. Ярков А.П. Репрессированные имамы Сибири и Дальнего Востока // Второй научно-практический семинар «Репрессированная сибирская провинция». Новосибирск, 2017.
21. Ислам на территории Красноярского края // Красноярский край: прошлое, настоящее, будущее : матер. Междунар. конф., посв. 75-летию Красноярского края : [в 2 т.]. Красноярск, 2009. Т. 2.
22. Для мусульманина не знать хотя бы суру «Фатиха» стыдно // Исламский край. 2009. Июль.
23. Ярков А.П. О «русских мусульманах» как угрозе национальной безопасности России // Феномен новообращенных мусульман в современной России : сб. докл. конф. 2016.
24. Победила справедливость – в Ачинске заложили первый камень мечети. URL: <http://www.islamnews.ru/news-6689.html> (дата обращения: 25.03.2016).

Статья представлена научной редакцией «История» 26 июня 2017 г.

THE UMMAH OF KRASNOYARSK KRAI IN THE PAST AND PRESENT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 197–205.

DOI: 10.17223/15617793/422/28

Aleksandr P. Yarkov, Tumen State Universitet (Tumen, Russian Federation). E-mail: ayarkov@rambler.ru

Aleksandr N. Starostin, Ural University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: alisheria@mail.ru

Keywords: Islam in Krasnoyarsk Krai; problem of ummah development.

The authors consider the history of the formation of the ummah in Krasnoyarsk Krai in dynamics: from the Middle Ages to the present. They use a variety of sources, allowing an objective view of the internal and external assessment of its condition. Being at the Northern branches of the Great Silk Road, the people of the territory did not become supporters of Islam, but enjoyed the achievements of Islamic civilization that had some success in the Middle Ages. The authors analyzed the restructuring of the Ummah, which evolved over time. It began with the serving Tatars, supporters of adat Islam, who came to the region. Their stay was temporary, they only served for a year. Later it included settled merchants, farmers, exiles, who professed the Islamic religion, which in the Russian Empire was recognized as “tolerable”. There was not always the possibility for the construction of mosques, due to small communities or lack of funds. The revolution of 1917 and the civil war split the Ummah by political orientations, and subsequent events in the Soviet years reduced the number of community members. Believers experienced limitations. Still, tradition, confession, knowledge of Arabic, though minimal, were maintained at the level of the family. Industrial development (especially in conjunction with BAM construction) increased the number of people historically belonging to Islamic culture, but there were not many active practices up to the 1990s. Migrants became a resource of re-Islamization (alternatively referred to as the Renaissance or the emergence of new communities) of the territory of Krasnoyarsk Krai. This process mainly concerned the major cities and places of compact residence of the descendants of pioneers, with the overall weakness in the theological training of indigenous leaders. Immigrants sometimes bring radical ideas contrary to the traditions of adat Islam and “splitting” the community. However (given the whole range of factors), the authors come to a conclusion that at the present stage many sound elements of the institutions of the Ummah have been formed. At the same time, the ethnocultural identity, given the emergence of different groups of neophytes, is transforming. Recommendations are offered to prevent extremism.

REFERENCES

1. Evtyukhova, L.A. & Kiselev, S.V. (1940) Chaa-Tas u sela Kopeny [Chaatas near the village of Kopeny]. In: *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya*. 11. Moscow: GIM.
2. Anikin, A.E. & Khelimskiy, E.A. (2007) *Samodiysko-tunguso-man'zhurskie leksicheskie svyazi* [Samoyedic-Tungus-Manchurian lexical connections]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
3. Kyzlasov, L.R. (1984) Torgovye puti i svyazi drevnekhakasskogo gosudarstva s Zapadnoy Sibir'yu i Vostochnoy Evropoy [Trade routes and connections of the ancient Khakass state with Western Siberia and Eastern Europe]. In: *Zapadnaya Sibir' v epokhu Srednevekov'ya* [Western Siberia in the Middle Ages]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Brodnikov, A.A. (1994) *Eniseyskiy ostrog. Eniseysk v XVII veke: Ocherki po istorii goroda i uезда* [The Yenisei Prison. Eniseysk in the 17th century: Essays on the history of the city and the county]. Krasnoyarsk: Izd-vo "Eniseyskiy blagovest".
5. Sobolev, M. (1908) Puti soobshcheniya v Sibiri [Transportation ways in Siberia]. In: Mel'nik, I.S. (ed.) *Sibir', ee sovremennoe sostoyanie i ee nuzhdy* [Siberia, its current state and its needs]. St. Petersburg: Izdanie A. Fund Devriena.
6. Puzanov, V.D. (2013) [Serving people of Tobolsk, and annexation of the Yenisei region by the Russian state]. *Tobol'sk nauchnyy – 2013* [Scientific Tobolsk – 2013]. Proceedings of the 10th All-Russian conference in memory of A.A. Dunin-Gorkavich. Tobolsk. (In Russian).
7. Dostoevsky, F.M. *Sobranie sochineniy: [v 15 t.] [Works: [in 15 vols]].* Vol. 3. Leningrad: Nauka.
8. Bakieva, G.T. (2011) *Obychay i zakon. Ocherki pravovoy kul'tury sibirskikh tatar v XVIII – nachale XX veka* [Custom and law. Essays on the legal culture of Siberian Tatars in the eighteenth to early twentieth centuries]. Novosibirsk: Akad. izd-vo "Geo".
9. Perinov, V.V. (2010) *Musul'mane v Zabaykal'e: seredina XIX veka – 1917 god* [Muslims in Transbaikalia: the middle of the 19th century – 1917]. Abstract of History Cand. Diss. Ulan-Ude.
10. Lysenko, Yu.A. (2006) [Orthodoxy and Islam in the Altai in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries]. *Sovremennaya Rossiya i mir: al'ternativy razvitiya (etnokontsional'nye konflikt i vyzovy XXI veka)* [Contemporary Russia and the World: Alternatives to Development (Ethno-Confessional Conflicts and Challenges of the 21st Century)]. Proceedings of the international conference. Barnaul. (In Russian).
11. The Tatars. [Online] Available from: <http://my.krskstate.ru/docs/ethnoses/tatary>. (Accessed: 25.03.2016). (In Russian).
12. Yenisei Province Printing Office. (1912) *Statisticheskii obzor Eniseyskoy gubernii za 1911 god* [Statistical review of Yenisei Province for 1911]. Krasnoyarsk: Eniseyskaya gubernskaya tipografiya.
13. Domnina, A.N. (2010) [Architecture in the culture of Islam (on the example of the Krasnoyarsk cathedral mosque)]. *Innovatsionnye protsessy v sovremennoy obrazovanii Rossii kak vazhneyshaya predposylka sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya obshchestva i okhrany okruzhayushchey sredy* [Innovative processes in the modern education of Russia as the most important prerequisite for the socio-economic development of society and environment protection]. Proceedings of the international conference. Krasnoyarsk: SFU. (In Russian).
14. Yenisei Province Printing Office. (1916) *Statisticheskii obzor Eniseyskoy gubernii za 1915 god* [Statistical review of Yenisei Province for 1915]. Krasnoyarsk: Eniseyskaya gubernskaya elektro-tipografiya.
15. Prokudina, S.V. (2006) [Tatars of the city of Krasnoyarsk in the 1920s]. *Kul'tura goroda: traditsii i sovremennost'* [Culture of the city: traditions and modernity]. Proceedings of the All-Russian conference. Vol. 1. Sterlitamak. (In Russian).
16. Karimova, O.N. & Bakhor, T.A. (2009) [Mythopoetic basis of Sabantuy]. *Molodezh' i nauka: real'nost' i budushchee* [Youth and science: reality and future]. Proceedings of the international conference. Vol. 2. Nevinnomyssk.
17. *Memorial Book of Krasnoyarsk Krai*. File number P-473. (In Russian).
18. Gritsenko, V. & Kalinin, V. (2010) 501/503. Istoriya "mertvoy dorogi" [501/503. The story of the "dead road"]. Yekaterinburg: Basko.
19. Bugay, N.F. (1995) *L. Beriya – Stalinu: "Soglasno Vashemu ukazaniyu..."* [L. Beria to Stalin: "According to your instructions"]. Moscow: AIRO – XX.
20. Yarkov, A.P. (2017) [Repressed Imams of Siberia and the Far East]. *Repressirovannaya sibirskaya provintsiya* [Repressed Siberian Province]. Proceedings of the second seminar. Novosibirsk. (In Russian).
21. Izluchenko, T.V. (2009) [Islam in the territory of Krasnoyarsk Krai]. *Krasnoyarskiy kray: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Krasnoyarsk Krai: past, present, future]. Proceedings of the international conference devoted to the 75th anniversary of Krasnoyarsk Krai [in 2 vols]. Vol. 2. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University. (In Russian).
22. Islamskiy kray. (2009) Dlya musul'manina ne znat' khotya by suru "Fatikha" stydno [For a Muslim it is a shame not to know at least the surah Al-Fatihah]. *Islamskiy kray*. July.
23. Yarkov, A.P. (2016) [On the "Russian Muslims" as a threat to Russia's national security]. *Fenomen novoobrashchennykh musul'man v sovremennoy Rossii* [The phenomenon of newly converted Muslims in modern Russia]. Proceedings of the conference. [Online] Available from: https://kartaslov.ru/%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/%D0%A1%D0%B8%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D1%82%D1%8C%D0%B5%D0%B2_%D0%A0_%D0%90_%D0%9C%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D1%85_%D0%98%D0%BE%D0%B0%D0%BD%D0%BD_%D0%90%D0%B4%D0%BB%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D0%B8%D0%BD_%D0%B8_%D0%B4%D1%80_%D0%A4%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D0%BD_%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85/6.
24. Islamnews.ru. (2007) *Pobedila spravedlivost' – v Achinske zalozhili pervyy kamen' mecheti* [The justice won: in Achinsk they laid the first stone of the mosque]. [Online] Available from: <http://www.islamnews.ru/news-6689.html>. (Accessed: 25.03.2016). (In Russian).

Received: 26 June 2017